

ПЕРВАЯ ПЕТЛЯ.

РАЗСКАЗЪ.

ГЛАВА I.

ть невзрачнаго подвѣзда небольшой желѣзно-дорожной станціи, брошенной верстахъ въ десяти отъ польско-еврейскаго городишка О., двѣ тощихъ до жалости клячи понатужившись оттащили крытый рыдванъ, построенный, — а можетъ быть и купленный по случаю, — никакъ не ранѣе время царя Гороха.

За минуту передъ тѣмъ, во внутренность этого достопримѣчательнаго своею древностію приспособленія для ѣзды втиснулись: по своему собственному произволу чистенькій молоденькій офицеръ и усиліями станціоннаго сторожа — сопровождавшія офицера вещи.

Отѣхавшій — герой этого разсказа — былъ никто иной, какъ Павель Петровичъ Важинъ, безусый девятнадцати-лѣтній юноша. Только что произведенный въ офицеры, онъ послѣ свиданія съ родными, проживавшими въ одной изъ губерній центра Россіи, направлялся въ почти пограничный съ Пруссіей городокъ О. на службу въ квартировавшій тамъ пѣхотный N-скій полкъ.

Стоялъ конецъ темной, начала осени, ночи. Лошаденки шагомъ ступали по убитой навозомъ и грязью дорогѣ, рыдванъ мягко катился вдоль домиковъ привокзальной слободки, и ничто рѣзкое не нарушало царившей кругомъ тишины.

Развѣ — и то изрѣдка — со стороны станціонныхъ путей доносится синый свистокъ маневрирующаго паровоза, его ши-

пѣнье и вздохи; послышится унылый рожокъ стрѣлочника, дребезжащій звонокъ, или подобно сорванному ружейному залпу, раздастся сухой раскатистый лязгъ буферныхъ тарелокъ сцѣпляемыхъ вагоновъ.

Но вотъ, проѣхавъ невысокій рѣшетчатый заборъ возлѣ послѣдней изъ желѣзно-дорожныхъ построекъ на краю слободки, еврейвозница суетливо задергалъ лѣвыя веревки корявыхъ вожжей, — разбитыя клячи, неуклюже засѣменивъ опоенными ногами, круто зашли правымъ плечемъ, два-три раза нырнули въ ухабы съ высохшей грязью и при поощрительныхъ крикахъ хозяина вкатили, наконецъ, свою обузу на полотно шоссеиной дороги, ведущей по направленію къ О.

Въ моментъ, лишь только колеса рыдвана коснулись камня шоссе, вся ветхая масса опиравагося на нихъ сооруженія какъ бы ожила, потому что ни единая частичка, ни единая самая мельчайшая принадлежность въ немъ не осталась безъ того, чтобы не издавать ей одной присущіе звуки.

Точно держа первую партію въ оркестрѣ, залились высокими дискантами мелкія желѣзныя шайбы болтовъ, скрѣплявшихъ части распатанныхъ козелъ; громкимъ контральто вторили шайбамъ плясавшіе въ своихъ гнѣздахъ винты нижней части кузова; въ тактъ первымъ двумъ голосамъ выводило теноровыя ноты что-то гулкое спереди; басомъ охали, ахали, кряхтѣли и откашливались, отъ старости потерявшія свою упругость, рессоры; гибкая полоска желѣза—остатокъ крыла съ лѣваго бока—гудѣла густою октавою; ударяясь въ обшивку сидѣнья, изображало турецкій барабанъ правое заднее колесо, благодаря расхлябанной ступицѣ, ковылявшее изъ стороны въ сторону; а все прочее, довершая симфонію, звенѣло, визжало, выбивало барабанную дробь, трещало сухимъ щелканьемъ кастаньетъ или просто стучало, скрипѣло шумѣло...

Твердая и ровная поверхность мощеной дороги, на которой очутились еврейскіе кони, доставила имъ замѣтное облегченіе въ работѣ. Чувствительно-благодарные они радостно зашевелили куцыми хвостами; одновременно высморкались; будто привѣтствуя другъ друга исполненіемъ желаній, по нѣсколько разъ мотнули угловатыми отъ худобы головами, и съ изводящаго шага перешли на мелкую рысцу, медленную до злости и однообразную до тошноты.

Скорчившаяся въ три погибели отсырѣвшая въ прохладной мглѣ ночи тощая фигура сына Израиля на козлахъ, видя такую жизнеспособность и рьяность въ дѣлѣ со стороны своихъ одровъ, подо-

брала подь себя возжи, стоймя воткнула кнутовище бича въ футряричикъ изъ кожи спереди козелъ, точно вывинчиваясь изъ сидѣнья, нѣсколько разъ раскачнулася вкруговую изъ стороны въ сторону и вытянулася во весь свой длиннѣйшій ростъ; послѣ чего она съ такою жестокостію стала размахивать своими слабыми руками, что, казалось будто настойчиво вздумала себя обезручить.

Изъ отверстія въ правомъ боку экипажного кузова, нѣкогда закрывавшагося стекломъ, а теперъ завѣшаннаго кускомъ облупившейся и провонявшей лошадинымъ потомъ и дегтемъ кожи, испуганно высунулася фізіономія пассажира. Внезапность музыкальнаго гула рыдвана и нѣсколько чувствительныхъ для затылка толчковъ въ моментъ вѣзда на шоссе заставили Важина предположить что то не совсѣмъ ладное.

— Гей, слушай-ка Мовша!.. Или какъ тебя тамъ?!—крикнулъ онъ по направленію къ возницѣ.

Еврей прекратилъ опасную для собственныхъ членовъ гимнастику, при посредствѣ прежнихъ тѣлодвиженій снова ввинтился въ сидѣнье, вынулъ изъ подь себя возжи, взялъ въ руки бичъ и перенулся къ Павлу Петровичу.

— Что панъ говорить?... Это онъ ко мнѣ говорить?

— Я хотѣлъ спросить, что случилось... Поломалось что ли что-нибудь?

— Гдѣ, панъ, случилось? Ничего не случилось и ничего не поломалось.

— Куда жъ мы къ черту заѣхали?! Того и гляди—твой ковчегъ разсыплется вдребезги.

— Куда заѣхали? Никуда мы не заѣхали... ѣхаемъ себѣ какъ должно. И пусть панъ не думаетъ... Ну, а если шумить немножко, такъ это увсякая карета шумить, когда камень и когда лошади хорошо бѣгаютъ...

Какъ бы успокоенный логикой еврея, Павелъ Петровичъ закурилъ папиросу и сталъ смотрѣть въ сторону отъ дороги.

Чувствуя близость разсвѣта, темнота ночи стала замѣтно сѣрѣть, не давая, однако, возможности ясно различить предметовъ окружающей обстановки.

— Янкель, а Янкель, слушай-ка!.. Большой этотъ городъ О?—отъ нечего дѣлать, докуривъ папироску, спросилъ Важинъ возницу.

— Что, панъ?

— Большой городъ, куда мы ѣдемъ?

— Ой, нѣтъ, панъ, совсѣмъ маленькій.

— Ну, а какъ примѣрно?

— Примѣрно? Примѣрно, панъ, я не знаю, а только и площадь маленькій, и синагога маленькій, и костель, и торговля, и народъ, и все маленькій... Зато если бы панъ до Варшавы поѣхалъ, то ужъ тамъ—ахъ, какъ тамъ все большой!...

— А есть въ городѣ что-нибудь достопримѣчательное или увеселительное?

— Увеселительное?

— Ну, да! Понимаешь, чтобы весело жилось—театръ, циркъ, садъ?...

Театръ, циркъ, садъ?!—испуганно воскликнула еврей.—И на что это нужно, чтобъ было?

— Какъ на что нужно?—удивился Павелъ Петровичъ.—Развѣ это лишнее?

— Лишнее, панъ, очень даже совсѣмъ лишнее! Вѣдь если бы все это было у насъ, то господа офицеры и паны чиновники и другіе русскіе люди такъ бы тамъ стали свои деньги тратить, что никакихъ бы гешефтовъ тогда не стало бы въ городѣ. И что бы намъ всѣмъ оставалось дѣлать?

— Ну, братецъ, ты совсѣмъ ерунду говоришь! Неужели же такъ-таки во всемъ городѣ, какъ есть, ничего интереснаго нѣтъ?

— Интереснаго?.. Ну, какъ, если панъ молодой,—панянки есть интересныя. И польскія есть панянки, и русскія есть, и изъ нашихъ есть тоже... Всякія есть интересныя панянки и много...

— Не про то я говорю!—нетерпѣливо перебилъ Павелъ Петровичъ возницу:—Я къ вамъ въ О. ѣду служить, жить ѣду на долго... навсегда—понимаешь? Вотъ и хочу узнать, весело ли тамъ, пріятно ли будетъ?

— Изъ-за чего не весело? Разъ у пана есть деньги, завсегда панъ весело проживетъ и пріятно проживетъ... Какой въ томъ домѣ, гдѣ панянки живутъ, музыкантъ изъ Варшавы играетъ, если бъ панъ зналъ!... Какъ всѣ тамъ танцуютъ, поютъ и пьютъ; пьютъ ужасно дорогое вино. Когда я кого-нибудь привожу къ этому дому, тогда черезъ окна мнѣ видно и слышно, что скучно тамъ совсѣмъ не бываетъ...

Разсказъ еврея дѣлался важину все болѣе неприятнымъ, и онъ раздраженно пересталъ его слушать.

— «Однако, какое прохладное утро», нервно зѣвая, подумалъ Павелъ Петровичъ.

— Поѣзжай-ка, братецъ, живѣе!... Тянешься словно съ покойникомъ!—крикнулъ затѣмъ онъ еврею.

Внимая приказанію сѣдока, возница немедленно предпринялъ все, практикуемое жестокосердными людьми его профессіи, чтобы не тянуться словно съ покойникомъ. Но лошади въ высшей степени стойко переносили сыпавшіеся на нихъ удары бичемъ и концами вожжей. Ни на одну минуту не измѣняя разъ навсегда взятаго ими аллюра, онѣ лишь нрѣдка нервно отмахивались жидкими хвостами и то, когда черезъ-чуръ сильные удары или попихиванія концомъ кнутовища особенно мѣтко направлялись въ болѣе нѣжныя части ихъ организмовъ.

— Не бей!... Слышишь не надо! — остановилъ Павелъ Петровичъ чуть не отмотавшаго себѣ руки еврея.

— Вотъ деревянныя!—удивленно подумалъ про клячъ пассажиръ,—хоть бы капельку понатужились, а то...

Удобнѣй забившись въ уголъ рыдвана, Павелъ Петровичъ сдвинулъ съ затылка фуражку, прислонился головой къ нащупанному остатку мягкой обивки и зажмурилъ глаза.

Испугавшій его вначалѣ музыкальный гулъ экипажа черезъ нѣсколько минутъ внимательнаго прислушиванія, сталъ казаться ему гармонически-пріятнымъ, убаюкивающимъ: будто все, окружавшее Важина, въ общей какофоніи своей заключало чудодѣйственную силу гипноза...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Зябкая дремота разлилась по тѣлу Павла Петровича, и онъ потихоньку заснулъ...

— Господинъ полковникъ, подпоручикъ пѣхотнаго N-скаго полка, Важинъ, представляется по случаю своего прибытія въ полкъ,—отчетливо рапортуетъ Павелъ Петровичъ своему командиру полка.

— Ахъ, очень пріятно, очень пріятно! — ласково говоритъ тотъ, вставая изъ-за письменнаго стола въ своемъ кабинетѣ и здороваясь съ молодымъ офицеромъ...—Садитесь, пожалуйста!...

— Павелъ Петровичъ въ изысканно-вѣжливой и на диво изящной позѣ опускается въ близъ стоящее кресло.

— Ну, какъ доѣхали? Какъ находите здѣшнихъ жителей, климатъ, природу? Какое впечатлѣніе на васъ произвелъ городъ?—съ удовольствіемъ любуясь блестящей внѣшностію Важина, задаетъ вопросы добрый начальникъ.

Павель Петрович на все даетъ солидные, полные ума и познаній отвѣты.

Потомъ говорятъ немного о службѣ, и, наконецъ, получивъ отъ пріятно пораженнаго новой встрѣчей полковника приглашеніе бы- вать запросто, подпоручикъ мило раскланивается и уходитъ...

Павель Петровичъ удачно подыскиваетъ себѣ небольшую квар- тирку, вблизи отъ помѣщенія роты, куда онъ зачисленъ младшимъ офицеромъ. Окна его новой квартиры выходятъ въ тѣнистый садъ, раскинувшійся по крутому берегу судоходной рѣки, голубая лента которой всегда видна ему сквозь изумрудную чащу деревьевъ.

Со вкусомъ меблированныя комнатки жилища Павла Петро- вича полны такого уюта, свѣта, тепла, что онъ, проводя почти все свободное время въ тиши кабинета, ничуть не тяготится скучною жизнью поганаго О. Онъ серьезно погрузился въ науку и въ чте- ніе любимыхъ авторовъ. Экономный въ собственной жизни, онъ мало тратитъ на себя и, отсылая остатки отъ своего содержанія старику-отцу, даетъ возможность младшимъ братьямъ и сестрамъ учиться...

Прошла унылая осень, пролетѣла зима, наступила весна. Къ Пасхѣ Павель Петровичъ отправляется въ отпускъ въ дорогой для его сердца городокъ N. Его встрѣчаютъ родные и много знако- мыхъ, всѣ рады; старушка-мать плачетъ. Онъ слышитъ, какъ ему говорятъ, что возмужаль, что успѣвшіе вырасти за это время усы такъ идутъ къ его серьезному лицу съ умнымъ взглядомъ задумчи- выхъ глазъ.

Здѣсь онъ опять начинаетъ ухаживать за Лидой Квасцовой, которая съ золотою медалью кончаетъ ученье и изъ изящной дѣвочки обращается въ красавицу - барышню. Ухаживаетъ онъ не по прежнему, а умѣло и быстро покоряетъ сердце преж- ней кокетки. Но чтобы отомстить за прежнее, онъ нѣсколько дней терзаетъ ее льдомъ своей инквизиторской неприступности. Онъ видитъ, какъ она съ каждымъ днемъ угасаетъ, какъ ея, когда-то злое, сердечко, теперь полное къ нему страсти нѣжной любви, вотъ-вотъ разорвется на части, если онъ повременитъ еще хоть съ недѣлю шепнуть ей въ отвѣтъ тихо и нѣжно — «люблю»... И только опасаясь за участь любимаго существа, онъ, наконецъ, уступаетъ. Въ соответствующей — полной поэзіи — обстановкѣ они клянутся другъ другу въ вѣчной чистой любви. Онъ убійственно часто цѣ- луетъ ея, а она уже не плачетъ и не жалуется на него своей мамѣ...

Но вот предпоследній день отпуска. Тихій вечеръ. Они въ темной аллеѣ могучихъ березъ. Дивная трель соловья. Воздухъ упоетъ тысячью благоуханій. Луна изрѣдка бросаетъ золотистые блики на коверъ бархатной травы, на цвѣтуція розы, на кусты нѣжной сирени...

Ея трепетныя ручки въ его могучихъ рукахъ. Она не спускаетъ своего грустнаго взора ангельски прекрасныхъ глазъ, затуманенныхъ прощальною слезою, съ его обожаемаго ею лица. Важность переживаемыхъ минутъ, въ виду предстоящей разлуки, мѣшаетъ имъ говорить. Но каждый изъ нихъ знаетъ мысли другого, знаетъ безъ словъ, — лишь по едва слышному біенію ихъ слившихся вмѣстѣ сердець.

Усилились ароматы цвѣтовъ упавшей на землю росою. Прохлада божественной ночи уже нѣсколько разъ пробѣгала по суставамъ ихъ молодыхъ спинъ, а они, забывъ про земное, сидятъ и, созерцая другъ друга, упиваются прелестію взаимной либви.

Но вот настаетъ жестокій моментъ разставанья... Болѣе рѣшительный, онъ первый встаетъ съ дерновой скамьи. Въ тотъ же мигъ, не владѣя собой, охваченная могучимъ пламенемъ безразсуднѣйшей страсти, она, какъ безумная...

Вдругъ, внезапная остановка и прекратившійся гулъ экипажа прервали сладкій сонъ немного продрогшаго Павла Петровича.

Открывши глаза, онъ долго не могъ сообразить, гдѣ онъ и что такое случилось. Пробивавшійся сквозь щели рыдвана слабый свѣтъ утра, наконецъ, напомнилъ ему всю дѣйствительность.

— Кажется пріѣхали, — проговорилъ онъ и высунулъ голову изъ рыдвана, но ничего, похожаго на городъ, онъ не увидѣлъ.

Далеко во всѣ стороны передъ нимъ разстилалась песчаная равнина съ рѣдко торчащими кое-гдѣ деревцами.

Еврей-возница отъ хомута лѣвой лошади зубами отвязывалъ конецъ толстой веревки.

— Оборвалось, панъ! — лаконически отвѣтилъ онъ на вопросъ Важина о причинахъ остановки.

До мѣста оставалось ѣхать еще версты три-четыре, что крайне неприятно подѣйствовало на Павла Петровича.

Пока еврей кончилъ починку порвавшейся сбруи, ожидать пришлось минутъ десять. Чтобы поразмяться, Важинъ вылѣзъ изъ рыдвана наружу.

Потягиваясь и сладко зѣвая, онъ лѣнивымъ взглядомъ посмотрѣлъ впередъ вдоль дороги. Ясно обозначавшаяся часто установленными по обѣимъ сторонамъ выкрашенными въ бѣлую краску столбиками, сѣрая полоса ея прямой лентой убѣгала къ той сторонѣ горизонта, гдѣ, предчувствуя скорое появленіе солнца, стала радостно розовѣть узкая часть небосклона и темныя группы столпившихся на краю его облаковъ.

— Теперь, панъ, можно садиться!—сказалъ прекратившій ремонтъ сбруи возница, неуклюже взбираясь на свой эшафоть-козлы. Они тронулись дальше.

— Посланный съ востока съ извѣстіемъ о предстоящемъ черезъ минуту восходѣ краснаго солнца, вѣтерокъ, поровнявшись съ ѣдущимъ навстрѣчу рыдваномъ, порывисто вздохматилъ гривы у лошадей; пузыремъ вздулъ [полы длиннѣйшаго лапсердака у еврея; оъ хлопаньемъ оттянулъ въ сторону кожу, прикрывавшую въ рыдванѣ отверстіе, суетливо ворвался внутрь экипажа; влагой пахнулъ въ лицо Павлу Петровичу; заскочилъ на моментъ къ нему подъ пальто; холодкомъ пробѣжалъ по спинѣ, по ногамъ, и, оставляя во всемъ тѣлѣ непріятную нервную дрожь, выскочилъ вонъ изъ кузова и закрутилъ пылью съ дороги позади ѣхавшихъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Прежде чѣмъ попасть въ самый городъ, имъ пришлось ѣхать вдоль длиннаго ряда построекъ казарменнаго типа, окруженныхъ просторными дворами, усыпанными желтымъ пескомъ.

Во дворахъ кое-гдѣ возвышались городки для гимнастики, стояли паралельныя брусья, барьеры, чучела для колки штыкомъ; изрѣдка мелькали сѣрыя фигуры солдатъ.

— 3-й баталіонъ пѣхотнаго N—скаго полка,—прочелъ Павелъ Петровичъ бѣлую надпись на красной доскѣ, прибитой у входа въ одну изъ казармъ.

— Слава Богу, наконецъ-то, добрался!—сказалъ онъ себѣ и хотѣлъ чему-то обрадоваться.

Стоявшій тутъ же солдатъ въ формѣ дневальнаго, какъ бы испуганный громомъ рыдвана, виновато пересталъ подпирать спиной стѣну, машинально поправилъ фуражку и приложилъ къ козырьку правую руку.

Красная доска съ бѣлою надписью и сѣрый солдатъ съ соннымъ лицомъ скрылись за поворотомъ дороги.

Кривой грязной улицей начался городъ.

Повернули въ проулокъ налево и остановились возлѣ двух-этажнаго дома съ воротами посрединѣ фасада.

Неловко ступая на одеревенѣвшія послѣ долгаго неудобнаго сидѣнія ноги, Павелъ Петровичъ вылѣзъ на досчатый тротуаръ и зашагалъ по немъ назадъ и впередъ подъ окнами дома.

Возница, успѣвшій уже одѣть на морды лошадямъ грязные мѣшки съ кормомъ, сбѣгалъ куда-то во дворъ и, возвратившись оттуда съ юркимъ еврейчикомъ рыжей масти, засуетился около вещей Павла Петровича.

— Куда же это онъ завезъ меня, наконецъ—думалъ пріѣхавшій, брезгливо осматривая трущобно-подозрительные дома еврейски-грязнаго переулка.

— Гдѣ же гостинница?

И онъ тщетно сталъ отыскивать глазами подходящую вывѣску.

Онъ только-что хотѣлъ обратиться за нужными разъясненіями къ своему возницѣ, какъ въ воротахъ дома съ дикимъ визгомъ ржавыхъ петель распахнулась небольшая калитка, откуда навстрѣчу ему вынырнули одинъ за другимъ три какихъ-то еврея.

Остановившись тутъ-же врьдъ, они безцеремонными взглядами впились въ фигуру Павла Петровича. Потомъ вразъ, точно по командѣ, громко о чемъ-то заговорили между собой. Причемъ Важину показалось будто въ разговорѣ своемъ они нѣсколько разъ упомянули его фамилію.

— Съ пріѣздомъ вамъ, панъ офицеръ!—подобострастно раскланиваясь, сказалъ одинъ изъ евреевъ поровнявшемуся съ ихъ группой Павлу Петровичу.

— Съ пріѣздомъ вамъ!... Съ пріѣздомъ, господинъ поручникъ!—подхватили другіе.

Привѣтствуемый поблагодарилъ.

— А мы такъ васъ ждали!—опять заговорилъ первый еврей.

Ой, какъ мы васъ ждали!... Ужъ такъ ждали, такъ ждали, что дай Богъ намъ столько здоровья, какъ мы васъ, панъ, ждали,—добавили прочіе два.

Павелъ Петровичъ остановился.

— Почему же вы такъ меня ожидали?—усмѣхнулся онъ:—не зная, кто я и что я и вдругъ—ожидать. Странно.

— Почему ожидали?... Ай, господинъ офицеръ, ясновельможный панъ Важинъ, и за чего вы такъ говорите? Развѣ мы можемъ

пана не знать, когда въ приказѣ давно было сказано, что вы зачислены къ намъ въ полкъ и что васъ полагается ожидать.

— Въ приказѣ? Къ вамъ въ полкъ?—удивился Павелъ Петровичъ:—въ какомъ приказѣ и откуда вамъ извѣстна моя фамилія?

— Понятно, панъ, въ полковомъ приказѣ. И письма на паново имя есть въ канцеляріи,—наперебой отвѣчали еврей.

Пораженный Павелъ Петровичъ даже удивляться и спрашивать пересталъ, а слушалъ и слушалъ.

— Да скажите жъ на милость, къ чему это вамъ понадобилось узнавать про меня все, что я сейчасъ слышалъ отъ васъ? Чего ради вы ожидали меня, чего ради приготовили для меня въ вашихъ «лучшихъ» номерахъ самую хорошую комнату?... Скажите, какой во мнѣ интересъ?—наконецъ, не вытерпѣвъ, чуть не закричалъ Важинъ, приступая къ евреямъ.

— Интересъ... Какой интересъ... Гм!... Ай, панъ, какъ вы не такъ говорите! Намъ все—интересъ. Кто прѣзжаетъ—интересъ, кто уѣзжаетъ—интересъ, кто покупаетъ—интересъ, кто продаетъ—интересъ, кто ничего не дѣлаетъ—интересъ... О, если бы намъ не имѣть вездѣ интересъ! Если бы намъ не знать все про нашъ полкъ, про пановъ господъ офицеровъ... Какія бы были наши дѣла и какіе гешефты?! Совсѣмъ бы кепскія были наши дѣла, никуда бы не годились наши гешефты...

Почему-то растерявшійся, Павелъ Петровичъ увидѣлъ, какъ возница съ помогавшимъ ему еврейчикомъ потащили черезъ калитку во дворъ его вещи. Не дослушавъ послѣдней рѣчи евреевъ, онъ направился вслѣдъ за вещами.

Пройдя вымощенный крупнымъ булыжникомъ дворъ, Важинъ взошелъ на крыльцо отдѣльно стоявшаго флигеля. Отсюда черезъ открытую настежь дверь онъ попалъ въ тяжелую атмосферу узкаго плохо освѣщеннаго коридора, съ нѣсколькими дверями по обѣимъ сторонамъ и крутой лѣстницей въ концѣ. Лѣстница вела на чердакъ флигеля, гдѣ, очевидно, кто-то жилъ, такъ какъ оттуда слышались плачь ребенка и глухой женскій голосъ, напѣвавшій что-то унылое.

Не зная, куда внесли его вещи, Павелъ Петровичъ, дойдя до середины коридора, въ нерѣшительности остановился.

Въ это самое время, быстро мелькая виднѣвшимися изъ-подъ короткой юбки ногами, съ чердака внизъ по лѣстницѣ сбѣжала молодая еврейка.

— Сюда, панъ, сюда!—раздался ея звонкій голосокъ.

И она проворно распахнула справа послѣднюю дверь.

Павель Петрович поблагодарилъ и вошелъ въ номеръ.

Успѣвшіе уложить по мѣстамъ вещи, возница и рыжій еврейчикъ поздравили новаго квартиранта съ прїѣздомъ. Тотъ расплатился, и они вышли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Оставшись одинъ, Важинъ раздѣлся и сталъ осматривать номеръ.

Онъ представлялъ изъ себя небольшихъ размѣровъ угловую съ низкимъ потолкомъ комнату въ два окна. Одно изъ нихъ выходило въ глухой переулокъ, а изъ другого открывался видъ на крутую черепитчатую крышу вросшаго въ землю сосѣдняго дома, съ большимъ проломомъ, вмѣсто слухового окна, черезъ который виднѣлись: развѣшанные по чердаку на веревкахъ бѣлье, длинныя связки чеснока въ перемѣшку со связками луку, какой-то хламъ, въ видѣ старой одежды; разбитые ящики, помятыя ведра, перина, бутылки и прочее.

Выцвѣтшіе, когда-то голубого цвѣта, обои съ повсемѣстными слѣдами беззастѣнчивыхъ мухъ и жестоко расказненныхъ клоповъ; двѣ непонятныхъ по тѣмъ же причинамъ картины, въ рамкахъ изъ мелкихъ шишекъ сосны; горбатая посрединѣ кровать, съ тощимъ грязнымъ матрацемъ; ситцевыя ширмы съ прожженными во многихъ мѣстахъ—очевидно, папиросой скучавшаго жильца—мелкими круглыми отверстиями, ночной шкафчикъ, отдѣланный подъ дубъ; почернѣвшее зеркало на стѣнѣ; проволочная вѣшалка въ четыре крючка; стѣнной рукомоиникъ; круглый столъ; три расшатанныхъ стула и что-то напоминавшее широкобедратаго человѣка, присѣвшаго на корточки съ до-нельзя раздвинутыми колѣнями, изогнутымъ туловищемъ и откинутой назадъ головой, котораго, заставивши держать все время руки фертомъ, драпировали съ верху до низу парусиновымъ мѣшкомъ,—вмѣсто кресла—вотъ и все, составлявшее мебель и убранство номера.

Въ дверь постучалась и вошла съ кувшиномъ воды молодая еврейка, встрѣтившая Павла Петровича въ коридорѣ.

Ей было лѣтъ тринадцать-четырнадцать.

Наливъ изъ кувшина воды въ рукомоиникъ, она подошла къ смотрѣвшему въ окно Важину.

— Если панъ хочетъ съ дороги пить чай, то можно подать самоваръ, — сказала еврейка.

Повернувшійся на эти слова Павелъ Петровичъ впервые взглянулъ ей въ лицо и... изумился.

Трудно, даже совсѣмъ невозможно, описать точно красоту ея нѣжной бѣлизны лица въ густыхъ волнахъ спускавшихся ниже плечъ темно-русыхъ кудрей: мягкій блескъ черно-бархатныхъ глазъ, черныя рѣсницы, какъ бы отягощавшія своею длиною еле-замѣтно усталыя вѣки; полукруги блестящихъ, какъ смоль, гордыхъ бровей, будто наведенныхъ тонкою кистью; прямой лобъ, вѣрной рукой съ любовью отдѣланный скульпторомъ изъ слоновой кости; изящныя линіи нервнаго носика, съ едва видимой восточной горбинкой; иногда дѣтски для поцѣлуя полуоткрытыя губки, цвѣта созрѣвшей на утреннемъ солнцѣ рубиновой вишни; мелкіе зубки — ровные, бѣлые; подобно легкому отраженію далекаго зарева въ клочкѣ молочнаго облака — вспышки благороднаго румянца на щечкахъ, и все прочее до мельчайшихъ черточекъ въ этомъ лицѣ — созидали въ общей гармоніи своей прелесть, по-истинѣ, неопи- суюмую.

— Что панъ такъ испугался меня? — просто спросила красавица, видя смущеніе офицера, и улыбка, на зависть любой изъ кокетокъ, пробѣжала по ея губкамъ.

— Нѣтъ, я... я думалъ... Мнѣ показалось, что это не вы, — не зналъ, что отвѣчать растерявшійся Павелъ Петровичъ.

Она повторила свое предложеніе насчетъ самовара.

— Да, да!... Я съ удовольствіемъ:.. Мнѣ ужасно хочется чаю попить.

Дѣвушка вышла изъ номера.

Любуясь, онъ проводилъ ее взглядомъ.

— Въ такой мерзкой трущобѣ, такъ бѣдно и просто одѣта, а такая дивная, властная, точно волшебная красота, — думалъ герой, шагая по комнатѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ ожиданіи, пока подадутъ самоваръ, онъ успѣлъ вымыться, почиститься и привести на себѣ все въ должный порядокъ.

Онъ вынулъ изъ сундука чистенькій съ иголки сюртучекъ, съ любовью прицѣпилъ къ нему блестящіе золотые погоны и перемѣнилъ на шашкѣ аллюминевую портупею на серебряную. На-

счетъ же темляка ему пришлось немного задуматься; но въ концѣ концовъ, онъ все-таки порѣшилъ не смѣнять прежняго, съ которымъ пріѣхалъ, потому что имѣвшійся у него въ запасѣ новый темлякъ, не будучи распущенъ и не имѣя муаровой ленты, не отличался, по его мнѣнію, должной красотой и бьющимъ по нервамъ изяществомъ.

Въ номеръ вошла красавица-еврейка и поставила на столъ желѣзный подносъ съ изображеніемъ букета не существующихъ въ мірѣ цвѣтовъ и съ чайнымъ приборомъ.

Справившись, имѣется ли у пана офицера чай и сахаръ и получивъ утвердительный отвѣтъ, она направилась было къ выходу, какъ въ дверяхъ показался тотъ самый еврей, который первымъ изъ трехъ заговорилъ съ Важинымъ у воротъ дома.

Тяжело ступая, онъ вошелъ въ номеръ съ кипящимъ самоваромъ тульской работы. Поставивши его на столъ, онъ обратился къ еврейкѣ и ругливо сталъ говорить ей что-то по-своему.

Она возражала.

— Я не могу. Я никакъ не могу!—нѣсколько разъ повторяла она по-нѣмецки, что было понятно Павлу Петровичу.

— Вотъ, панъ, посмотрите, какое поганое сѣмя!—заговорилъ, вдругъ, еврей, обращаясь къ Важину.

Его въ высшей мѣрѣ рябое лицо искажалось злостью, а воспаленные глазки, очевидно, больные трахомой, усиленно гнали слезу.

Павель Петровичъ вопросительно поглядѣлъ на него.

— Она, вотъ эта дѣвченка,—моя племянница,—могла бъ безъ меня каждый день умереть съ голоду. Паршивая дѣвченка, которая смѣетъ со мной такъ говорить,—о, какое она поганое сѣмя!... И какъ она можетъ не слушать меня даже вотъ столько?...

Еврей показалъ на конецъ коряваго пальца съ кривымъ грязнымъ ногтемъ.

— И чего стѣдить она? Ничего не стѣдить, какъ есть! [Взять и бросить въ грязь подъ самыя ноги—вотъ такъ!...

При послѣднихъ словахъ, онъ сдѣлалъ такой бросательный жестъ, что сидѣвшій по близости отъ окна Павель Петровичъ поспѣшно высунулъ голову въ фортку.

— Бросить и сапогами топтать,—добавилъ еврей. Но какъ топтать, онъ, къ счастью успѣвшаго отдышаться Павла Петровича, не показалъ.

— Ахъ, панъ, не вѣрьте ему! Совсѣмъ его даже не слушайте,— полнымъ сердечности голосомъ воскликнула молодая еврейка: — онъ самъ — поганое сѣмя, онъ самъ...

Она остановилась, подыскивая подходящее выраженіе.

— Поросячья голова! — вдругъ, закричала она и залилась смѣхомъ звонкаго колокольчика.

Павлу Петровичу показалось все это забавнымъ. Онъ съ удовольствіемъ любовался еврейкой и вмѣстѣ съ ней хохоталъ отъ души.

Растерявшійся еврей, не зная, что дѣлать, стоялъ въ комически-жалкой позѣ и, сисясь улыбаться поганой улыбкой, попеременно смотрѣлъ на смѣющихся.

Потомъ онъ не вытерпѣлъ — плюнулъ и, погрозивъ пальцемъ еврейкѣ, съ ругательствомъ неуклюже скрылся за дверью.

— Хоть убей, не идетъ, — такъ боится она.

— Боится? А ты ее хорошенечко за волосы!

Послышались голоса въ коридорѣ.

Важинъ сталъ вынимать изъ дорожной корзинки все, необходимое къ чаю.

— Какъ я рада!... Если бъ пану было извѣстно, какъ мнѣ хорошо, — не переставая смѣяться, немного спустя, обратилась къ нему дѣвушка: — вѣдь я ему такъ... Вѣдь я ему такъ сейчасъ... Только не знаю вѣрно по-русски сказать... Насыпала солью...

— Насолила? — догадался Павелъ Петровичъ.

— Вѣрно, панъ, вѣрно! Сейчасъ я ему такъ насолила, что онъ цѣлыхъ сто дней будетъ злиться, злиться и злиться.

Подойдя почти вплотную къ Павлу Петровичу, она сдѣлала серьезное личико и тихо добавила:

— А когда онъ злится, то у него всегда что-то болитъ — сильно болитъ. И пусть болитъ. Пускай даже умереть!...

При послѣднихъ словахъ у нея сверкнули глаза, и она нервно топнула.

— За что же вы его такъ не любите? — спросилъ Павелъ Петровичъ.

Еврейка съ минуту задумалась.

— Берта, Берта! — послышался чей-то гортанный зовъ изъ коридора.

— Это меня тетка зоветъ, — встрепенулась красавица и быстро направилась къ двери.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Павель Петровичъ подсѣлъ къ самовару. Аппетитно уничтожая домашнія печенья и выпивая стаканъ за стаканомъ горячаго чая, онъ раздумывалъ надъ происшедшей въ его номерѣ сценой, вспоминалъ фигуру еврея и беззаботно смѣялся.

Тихо, почти не слышно для Важина, опять вошла Берта.

Замѣтно волнуясь, она, очевидно, хотѣла что-то сказать, но вмѣсто того остановилась возлѣ окна и стала молча смотрѣть полными слезъ глазами въ проломъ черепитчатой крыши.

Вдругъ, повернувшись въ сторону Павла Петровича, она таинственно, низкой грудной нотой сказала:

— И всѣ они гадкіе злые... Ихъ всѣхъ убить!

Было видно, какъ у ней сразу исчезли слезы въ глазахъ, и задрожали воздри нервнаго носика.

— Я къ нему не пойду и никакъ ничего не буду ему подавать.

Она приблизилась къ Важину и, боязливо глядя на дверь, зашептала:

Тетка тоже сказала, чтобы идти. Я сказала, что не пойду... Ахъ, какъ я ей насыпала солью!... нѣтъ не насыпала, а насолила. Такъ насолила, такъ насолила! Она ругалась, хотѣла даже побить, но я поскорѣе ушла и крикнула ей, что она злая, что она дура, что она старая, что ей лучше самой прислуживать этому недоброму пану... Такой онъ грубый, страшный и пьяный. А какія у него глупыя толстыя губы! Какъ рука.

Она показала сжатый кулачекъ.

— Вотъ такія, даже больше. И смѣшно, пресмѣшно дѣлаютъ ими...

Изобразивъ губками, по ея мнѣнію, пресмѣшную гримасу, она неудержимо залилась своимъ серебрянымъ смѣхомъ.

— Да кто это онъ?— спросилъ, наконецъ Павель Петровичъ.— Про кого вы мнѣ говорите?

— Про него, про того пана, который пріѣхалъ вчера. Онъ часто пріѣзжаетъ сюда. Развѣ панъ его не видалъ? Онъ живетъ, гдѣ русскую водку дѣлаютъ. Мой дядя и тетка—господинъ акцизный его называютъ и всегда меня заставляютъ подавать ему все. Онъ тогда много у нихъ всего покупаетъ и много денегъ даетъ.

— А вы не хотите?

Берта отрицательно тряхнула кудрями.

— Нѣтъ. Пусть онъ, хоть сто дней ожидаетъ и чай, и вино, и воды — не подамъ. Вѣдь я его такъ боюсь, такъ боюсь!

Да неужели же онъ такой некультурный субъектъ?

Берта вопросительно взглянула на офицера.

— Развѣ же онъ такой звѣрь? — пояснилъ тотъ.

— Я не понимаю такихъ словъ.

— Почему вы такъ боитесь его? Что можетъ онъ сдѣлать, когда здѣсь ваши родные?

— Вотъ панъ самъ можетъ увидѣть, какъ панянкѣ такому служить.

Берта разстегнула рукавъ кофточки и, до плеча обнаживъ свою нѣжную руку, добавила:

— Смотрите, панъ, какъ больно онъ дѣлаетъ!

На опухшей мускулатурѣ предплечья разлилось изжелта-синее пятно отъ щипка чьихъ то пальцевъ...

— Откуда панъ пріѣхалъ въ нашъ городъ? — спросила еврейка. Важинъ отвѣтилъ.

— Я тоже не здѣсь прежде жила...

— Вы хотите чаю? — предложилъ ей Павелъ Петровичъ: — Садитесь. У меня есть конфеты, варенье.

— Берта сѣла въ кресло. Отъ чая она отказалась, но конфеты грызла быстро и съ видимымъ удовольствіемъ.

— Когда хочу я рассказывать или слушать, то люблю сидѣть такъ.

Она, подобравъ подъ себя ноги, сжалась комочкомъ, прислонилась личикомъ къ спинкѣ и закрыла глаза.

— Я прежде жила на самой границѣ, — тихо начала она. Потомъ остановилась и посмотрѣла на Важина.

— Панъ хочетъ слушать?

— Хочу... Пожалуйста, говорите, я очень хочу.

— Берта опять закрыла глаза.

— Только я не могу... не умѣю такъ говорить, чтобы мнѣ совсѣмъ, совсѣмъ стало не скучно и легко здѣсь, гдѣ сердце... Въ мысляхъ своихъ я, панъ, знаю, что когда нѣтъ, кому можно скучныя слова говорить, то тамъ, гдѣ сердце, станеть ихъ много-много и бываетъ оттого сердцу тѣсно. Оно тогда не хочетъ жить, и я хочу плакать и никого, никого не любить.

— Я... я понимаю васъ. Я... Вы говорите, какъ умѣете, — увѣрялъ Важинъ грустно замолчавшую Берту.

— Какъ родилась, я все жила тамъ. У меня тоже былъ отецъ и была мать. Она меня никогда не ругала, любила меня и умерла.

Я плакала, плакала и когда ее увезли, долго боялась ходить, гдѣ темно и все хотѣла узнать, куда ее увезли, чтобы убѣжать къ ней и рассказать все, все...

— Мы стали жить съ отцемъ вдвоемъ. Тамъ была длинная, длинная дорога. Около дороги стоялъ нашъ домъ, и никакихъ другихъ домовъ, и никакихъ другихъ людей тамъ не было. Мой отецъ всегда имѣлъ много дѣла,—онъ никогда не могъ говорить со мной, какъ говорила моя мать. Но онъ такъ часто привозилъ мнѣ все вкусное, сладкое и часто покупалъ красивыя вещи.

— Когда было тепло, я играла въ лѣсу, бѣгала по травѣ, любила уходить до рѣки, купалась въ ней, а потомъ долго-долго смотрѣла, какъ красиво текла въ ней вода, какъ блестѣли и прыгали рыбки... Около рѣки я собирала много цвѣтовъ. Изъ мягкой коры я дѣлала лодку... маленькую лодку. Въ эту лодку клала цвѣты и просила добрую рѣку, чтобы она несла ихъ далеко, далеко въ подарокъ для мамы...

— Темною ночью къ намъ пріѣзжали какіе-то люди, и отецъ мой всегда уходилъ съ ними. Онъ тогда думалъ, что я уже сплю, но я не спала и страшно боялась.

— Одинъ разъ они тоже пріѣхали. Отецъ сказалъ мнѣ идти спать. Я не хотѣла слушать его и заплакала. Я знала, что на улицѣ страшная ночь;—наступала зима, падалъ дождь, падалъ снѣгъ, вѣтеръ, хотѣлъ разбить стекла, повалить всѣ деревья... Я просила отца быть со мною.

— Онъ ушелъ, но потомъ скоро-скоро вернулся.

— Не плачь, милая Берга! Не бойся добрая дочь, нѣжная крошка!—говорилъ онъ, лаская меня.

— Вѣдь твой отецъ такъ любитъ тебя. Онъ скоро вернется. Скоро онъ будетъ богатъ. Тогда онъ не будетъ оставлять своей дѣтки, своего чистаго ангела... Онъ увезетъ ее далеко-далеко въ большой самый красивый городъ на свѣтѣ. Ты тамъ будешь учиться, ты увидишь тамъ умныхъ людей, счастливую жизнь и сама станешь умна, и сама будешь счастлива... Ты вырастешь и какъ царица будешь красива, и какъ царица будешь богата...

— Отецъ—о, мой добрый отецъ!—тихо-тихо ласкалъ мои волосы и нѣжно-нѣжно цѣловалъ мои слезы въ глазахъ. И такъ мнѣ было легко, и такъ я перестала бояться и плакать. Я спала и всю ночь видѣла во снѣ большой самый красивый городъ на свѣтѣ...

— Но онъ долго не приходилъ. А когда послѣ той ночи, была опять ночь, его принесли на рукахъ. И люди, которые его принесли,

говорили, какъ въ темнотѣ солдатъ пулей прострѣлилъ ему грудь. Онъ ничего не могъ говорить. Я подавала ему пить воду... Прошла ночь и настала день, онъ пересталъ пить и умеръ...

— Ахъ, если бы панъ и всѣ люди знали, какъ можно всѣхъ не любить, какъ можно не хотѣть жить, когда сразу нѣтъ никого, кто могъ бы съ любовью, хоть одинъ разъ, тихо сказать такія слова, какія сказалъ мой отецъ: милая Берта, добрая дочь, нѣжная крошка... Кто могъ бы ласкать волосы и нѣжно-нѣжно цѣловать слезы въ глазахъ...

Странно разстроилъ Павла Петровича лепетъ грустно умолкнувшей Берты. Онъ долго смотрѣлъ на нее и тоже молчалъ, потому что сдержалъ свой минутный порывъ теплымъ словомъ, чистою лаской, сердечнымъ совѣтомъ и всѣмъ, что можетъ быть въ доброй душѣ, чтобы ободрить ее, поднять вѣру въ людей, возбудить надежды и не дать озлобленію преждевременно разъядать ея юное сердце. Онъ чувствовалъ инстинктивно, какъ неумѣстенъ съ его стороны будетъ этотъ порывъ, какъ жестоко въ данный моментъ, чѣмъ угодно нарушать ея мысли о тѣхъ нѣжныхъ словахъ, поцѣлуяхъ и ласкѣ, какихъ уже не слышать ей и не испытывать ни отъ кого никогда.

Берта открыла глаза и стала смотрѣть на крышку коробки, въ которой лежали конфеты. На ней былъ нарисованъ горный пейзажъ.

— Я люблю, когда растутъ такія деревья, когда высоко и страшные камни... Если небо такое, а кругомъ много мѣста и нѣтъ никого, никого. Кто можетъ жить тамъ, тотъ можетъ быть добрымъ... Когда панъ съѣстъ все, пусть не бросаетъ... Она очень красивая. У меня есть тоже коробка, но та не такая, тамъ...

— Эта вамъ нравится больше?

— О, да! Тамъ нарисована такая панянка, что всегда поетъ и танцуетъ, мнѣ...

— Тогда возьмите себѣ эту коробку... Теперь же возьмите.

— А куда панъ положить, что въ ней?

— Какъ куда? Берите все вмѣстѣ!

Она недовѣрчиво взглянула на Важина, потомъ опустила глаза на картинку, такъ посидѣла немного и затѣмъ поднялась.

— Зачѣмъ панъ хочетъ надо мною смѣяться?—спросила она и, потихоньку отодвинувъ отъ себя прочь коробку, хотѣла направиться къ двери.

— Какая вы странная! Возьмите, я хочу вамъ все подарить,—воскликнулъ Павелъ Петровичъ, подавая конфеты.

Черезъ моментъ колебанія, Берта порывисто схватила подарокъ и, не сказавши ни слова, побѣжала изъ номера.

А ему было смѣшно и пріятно.

ГЛАВА VII.

День былъ праздничный. Бывшая сѣрой съ утра, погода къ полудню нахмурилась вовсе. А когда Павелъ Петровичъ покинулъ «отель», чтобы прогуляться по городу и сдѣлать кое-какія покупки, сырость въ воздухѣ перестала держаться вверху и полетѣла къ землѣ влажнымъ облакомъ изъ тончайшихъ пылинокъ дождя. Въ часъ съ небольшимъ времени, онъ обошелъ изъ конца въ конецъ всѣ улицы О. и сокрушенно призналъ городъ за помойную яму довольно унылаго типа.

Тѣсной горсточкой грязныхъ и убогихъ по архитектурѣ строеній О. брошенъ какъ зря средь жалкой природы по берегу рѣчки, мутной струей питающей Вислу. Ни въ самомъ городѣ, ни въ его ближайшихъ окрестностяхъ не нашлось ничего достойнаго примѣчанія Важина—бѣдность кругомъ, заустѣніе, мерзость. И думалось невольно ему, какъ устроится его новая жизнь въ захолустѣ. И вспомнилъ онъ слова Салтыкова о провинціи, какія пришлось недавно прочесть:

«О провинція! Ты растлѣваешь людей, ты истребляешь всякую самодѣятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать!.. Какая возможность развиться, когда горизонтъ мышленія такъ обидно суживается? Какая возможность мыслить, когда кругомъ нѣтъ ничего, вызывающаго на мысль? Да, жалко, поистинѣ жалко положеніе молодого чело-вѣка, заброшеннаго въ провинцію! Незамѣтно, мало-по-малу, погружается онъ въ тину мелочей и, увлекаясь легкостью этой жизни, которая не имѣетъ ни вчерашняго, ни завтрашняго дня, самъ безсознательно дѣлается молчаливымъ поборникомъ ея. А тамъ подкрадывается матушка-лѣнь и такъ крѣпко сожметъ въ своихъ объятіяхъ новобранца, что и очнуться некогда».

И становилось досадно и скучно авансомъ.

Онъ узналъ, что коренныхъ жителей въ О. очень мало: всего тысячъ около четырехъ изнывающихъ въ нищетѣ поляковъ и евреевъ. Послѣднимъ особенно трудно живется: видѣлъ домъ въ шесть оконъ на улицу, въ которомъ, если судить по вывѣскамъ на фасадѣ, было напихано: три часовыхъ мастера, слесарь, два мѣд-

ника, токарное заведеніе, сапожная мастерская и просто сапожникъ, продажа шинчухъ водъ и напитоковъ, шапочникъ, бакалейная лавка и торговля старымъ желѣзомъ. Важинъ хохоталъ отъ души, прочитавши все это, не вѣрилъ въ наличность такой удивительной массы фирмъ и думалъ, что еврейскія вывѣски служатъ здѣсь своеобразнымъ украшеніемъ дома.

При поворотѣ на главную улицу, Павла Петровича, какъ бы случайно, встрѣтилъ еврей изъ числа того тріо, которое уже говорило съ нимъ у воротъ возлѣ гостиницы.

— Господинъ офицеръ думаетъ сейчасъ что нибудь покупать?—спросилъ извиваясь еврей и трушкомъ побѣжалъ сбоку Важина.

Не успѣлъ тотъ отвѣтить, какъ къ нему съ тѣмъ же вопросомъ подскочили одинъ за другимъ еще два еврея, потомъ еще подошелъ и еще. Такъ, что не прошло и минуты, какъ Павла Петровича окружило ихъ человекъ семь или восемь. Поднялся невообразимый кагалъ, и несчастнаго покупателя чуть не растянули на части, на перебой зазывая въ разные самые лучшіе магазины.

Какъ ни увѣрялъ онъ, что ему никакихъ товаровъ не нужно, что сейчасъ страшно некогда, что нѣтъ лишнихъ денегъ—все было напрасно: просили, ради Бога, «только» зайти, посмотрѣть и, если понравится что, забирать все въ кредитъ, хоть на тысячу и на десять лѣтъ, потому, что они такъ хорошо знаютъ пана, уважаютъ его, хотятъ дать всего самого лучшаго и т. д. и т. д. Отъ ихъ клятвъ, предложеній, ругани межъ собой даже голова закружилась у бѣднаго Важина, и, въ концѣ концовъ, онъ все-таки попалъ въ тѣсноту какой то лавченки.

Въ жизни своей онъ никогда ничего не покупалъ изъ предметовъ домашняго скарба. Не зналъ, что въ самостоятельной жизни ему будетъ полезно имѣть, и что совершенно не нужно. О цѣнахъ же на разныя вещи и о томъ, какъ нужно торговаться съ евреями и понятія не имѣлъ. А посему, ловкій хозяинъ лавченки быстро навязалъ ему по самой безбожной цѣнѣ: старую неимовѣрныхъ размѣровъ кровать, сборный гарнитуръ подозрительной мебели, три ковра самыхъ кричащихъ узоровъ, десятокъ—другой занавѣсокъ для оконъ, топоръ, два молотка, чуть ли не полпуда разныхъ гвоздей, винтовъ и шуруповъ, будуарный фонарь голубого стекла, по нѣсколько дюжинъ тарелокъ, стакановъ, вилокъ, ножей и еще многое множество разнаго хламу, вплоть до принадлежностей, примѣнимыхъ въ большомъ прачешномъ дѣлѣ.

Богъ знаетъ, въ какой страшный долгъ залѣзъ бы Павелъ Петровичъ къ еврею, если бы во время не выручилъ его капитанъ того же полка, случайно зашедшій что то купить въ грабиловку къ еврею.

— Что вы, что вы поручикъ. Къ чему вамъ все это?—искренно удивился пожилой офицеръ, когда они другъ другу представились. — Ахъ, какой вы, однако, юнецъ! Ну, смотрите—къ чему вамъ корыто? Или этотъ ковчегъ?

Онъ указаль на кровать.

А вилокъ то вилокъ! ножей! занавѣсокъ!.. Боже, утюги! Ха-ха-ха!..

И пока браковаль одну за другой всѣ покупки смущеннаго подпоручика; капитанъ нахохотался, что называется, до надрыва животиковъ. Подконецъ смѣялся и самъ покупатель до слезъ.

Цыкнувъ, какъ слѣдуетъ, знатокъ тамошней жизни увель простака изъ капкана.

— Никогда, дорогой, не спѣшите въ подобныхъ вещахъ, — говорилъ капитанъ на прощаніе Важину:—нужно осмотрѣться сначала, узнать городъ, людей, познакомиться съ сослуживцами. У того изъ нихъ, кто поопытнѣй, не стѣсняясь, слѣдуетъ совѣта спросить — какъ да что, да гдѣ, да почему. А то — извольте, съ бухты-барахту! Вѣдь онъ ограбилъ бы васъ, какъ пить дать—ограбилъ! Я его, подлеца, знаю. У насъ штабсъ-капитанъ служить въ полку, —тринадцатый годъ ему контрибуцію платить. Да. И за такую жъ оказію платить. Не хуже васъ, накупилъ—выдалъ вексель. Какъ водится, нѣсколько лѣтъ тянулись отсрочки по немъ да переписки съ повышеніемъ цифры валюты, а потомъ, какъ до тысячи съ чѣмъ то догналъ—хлопъ! по начальству. Ну, и голосить теперь человѣкъ изъ мѣсяца въ мѣсяць. А ничего не сдѣлаете—плати!

— И правда,—говорилъ себѣ Важинъ, разставшись съ новымъ знакомымъ:—такую было глупость удралъ!.. Были бы нужныя вещи, хорошія, къ спѣху да цѣна настоящая, а то...

Онъ вспомнилъ послѣднюю рѣчь капитана, его критическій хохоть, еврейскую жадность, ихъ умѣнье надуть, свою простоватость, — и такъ было досадно и такъ было смѣшно, а въ общемъ, неловко. Ахъ, какъ неловко!..

Пыль дождевая постепенно превратилась въ брызги, брызги—въ мелкія частыя капли; каплями принялся усиленно моросить нескончаемый дождь. Потоками слезъ заплакали грязныя стѣны и окна унылыхъ домовъ, жиже сдѣлалась липкая слякоть по улицамъ,

обложилось сѣрыми тучами хмурое небо, воздухъ сталъ холоднѣй; остатокъ печальнаго дня принялъ образъ окончательно по осеннему скучный.

Тяжелое и чрезмѣрно тоскливое чувство, вдругъ, охватило Павла Петровича: ядъ провинціальной трущобы первой растлѣвающей дозой влился въ душу его. На сердцѣ получился непонятно-гнетущій осадокъ чего то близкаго къ сознанию страшной боязни задохнуться воздухомъ, опасно пропитаннымъ вонючею гнилью, тлетворной заразой, міазмами...

И въ такомъ настроеніи онъ возвратился съ прогулки въ «отель».

Иванъ Межебыхъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

